

Горюцкая Наталья Владимировна

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

В статье рассматриваются основные принципы творческой манеры Эмиля Верхарна и их влияние на поэзию Валерия Брюсова. Общее для каждого из поэтов состоит в преодолении смертных мотивов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 55-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.091

В статье рассматриваются основные принципы творческой манеры Эмиля Верхарна и их влияние на поэзию Валерия Брюсова. Общее для каждого из поэтов состоит в преодолении смертных мотивов.

Ключевые слова и фразы: трагическое мироощущение; смертные мотивы; пессимизм; декаденты; «воля к жизни».

Наталья Владимировна Горюцкая

Кафедра культурологии

Омский государственный педагогический университет

gorutskaja@mail.ru

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ЭМИЛЬ ВЕРХАРН[©]

Подлинным выразителем декадентских настроений и близким по духу и темпераменту вождю русского символизма Валерию Брюсову поэтом оказался бельгиец Эмиль Верхарн, которого Брюсов назвал «Данте современности», обозначив масштаб поэтической личности Верхарна. Увлечение поэзией Верхарна Брюсов пронесет через все свое творчество, ибо благодаря ему поэт обратился к общественным проблемам современности. М. Волошин в статье «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» отмечал, что обоих поэтов сближало стремление «решить вековые и злободневные вопросы», оба были «загаллюционированы одними и теми же явлениями» [9, с. 428].

Обращение к Верхарну у Брюсова совпадает с периодом творческого и духовного кризиса. 19 ноября 1899 года читаем в Дневнике Брюсова: «Вообще: последние месяцы упиваюсь Верхарном» [5, с. 94]. За надрывным пессимизмом «трагической трилогии» Верхарна, Брюсов сумел увидеть саму суть мятежной поэзии великого бельгийца. В мятежных ритмах Верхарна, в его стремлении найти ответ на волнующие проблемы современной жизни Брюсов обрел богатейшую пищу для души и почерпнул новые силы.

В 1906 году Брюсов издает «Стихи о современности» Верхарна, в которых Верхарн представлен как поэт, созвучный напряженным конфликтам современной эпохи. Брюсов в предисловии к сборнику пишет: «Я даю в своем переводе менее двадцати поэм, и, разумеется, они не могут ознакомить читателей со всеми сторонами многообразного творчества Верхарна. Скажу прямо: переведенные мною пьесы отражают более или менее полно лишь одну сторону в поэзии Верхарна, являют его прежде всего, как певца современности...» [8, с. 27-28].

В 1909 году состоялась вторая встреча Брюсова с Верхарном во время которой последний читал новые поэмы из готовящейся к печати книги «Властительных ритмов» (среди них «Геракл», «Микель-Анджело», «Золото»). «В этой книге, - говорил Верхарн <...>, - я хочу передать в стихах те основные ритмы, которые управляют движениями современной жизни: ритмы страсти, изобретения, жажды блага, жажды обновления, протеста, гордости, сознания своей силы...» [3, с. 255].

Отразить «ритмы современности» Верхарн смог в трех поэтических сборниках - «Вечера» (1887), «Крушения» (1888) и «Чёрные факелы» (1890), отразивших трагическое мироощущение поэта. Верхарн остро ощущает неблагополучие и уродство мира:

Голгофы черные встают перед тобою!

Вознесем же к ним наш стон и нашу скорбь! Пора!

Прошли века надежд беспечных над землею!

И никнут к черному от крови водопою

Распятые во тьме на небе вечера!

Человечество [7, с. 34].

В этих строках слышится боль и отчаяние обнаженной души поэта. Бездушный и «гнетущий медный мир» обрекает его на муки и страдания. Причем «Верхарн не выдумывал страдания, не сочинял страдающую музу в духе декадентов «конца века» - он страдал на самом деле и с необыкновенной силой выражал свои чувства» [1, с. 552]. Каждое соприкосновение с безрадостной действительностью вызывает у поэта чувство ужаса, отвращения и, одновременно, любования: «В пурпурной мгле лесов и багреце болот // Огромный вечер там, в пустых полях, сгнивает, // Руками цепких туч шар солнца зажимает, // Выдавливая кровь в небесный небосвод» [7, с. 42].

Мотивы смерти и связанные с ними образы гниения и увядания становятся наполняют пространство данного стихотворения. По верному замечанию эстонского литературоведа Йоханнеса Семпера, Верхарн рисует ««распятые» в его собственной душе вечера; вечера, которые своим кровавым заревом высвечивают душевные муки, отражая их в себе; вечера, атмосферу которых определяет какое-нибудь умирающее насекомое, или угасающий запах, или доносящийся откуда-то вскрик; вечера, пронизанные жутким дыханием пресыщения и приближающейся смерти» [13, с. 196].

На протяжении всей трилогии доминантами поэтического словаря будут слова «ночь», «вечер», «мрак», «ноябрь», «зима» и т.д., которые будут ассоциироваться с безнадежностью и душевным мраком. Т. Ф. Зводская в статье «Цветность и художественный мир поэта (Эмиль Верхарн)» [12] рассматривает каким образом распределяется цветовая палитра от ранних сборников к поздним. Исследовательница констатирует, что

если в первом сборнике «Фламандки» (1883) цветовая палитра представлена разнообразно (более 30 оттенков), по преимуществу белым цветом, то уже начиная с «Вечеров» повышается количество расплывчатых, неопределенных тонов, а в последующих сборниках («Разгромы», «Черные факелы») отмечается резкое возращение черного цвета. Как точно сформулировала Л. Я. Гинзбург, «изучая знаки художественной системы, мы прежде всего должны понять то значение, которое они имели для своего творца, то есть понять те культурные исторические связи, в которых действовал художник» [10, с. 16]. Такое распределение цветности связано с тем, что Верхарн запечатлевает катастрофические по своему масштабу сдвиги, которые губят величие его старой Фландрии. Очертания мира распадаются, все напряжено, надломлено, сдвинуто. Так начинается стихотворение «Мертвец» из сборника «Черные факелы»: *«В одеждах цветом точно яд и гной // Влачится мертвый разум мой // По Темзе. // Чугунные мосты, где мчатся поезда, // Бросая в небо гул упорный, // И неподвижные суда // Его покрыло тенью черной...»* [7, с. 65].

Мортальные мотивы «скуки», «сплина», «невроза» (как синонимы отчуждения) Верхарн, как и символисты, унаследовал от Бодлера. Но Верхарн возвышается над ним, отвергая активно отвергая скуку: *«Над крышами вырвалось мстящее пламя, // И ветер змеистые жала разнес, // Как космы кровавых волос. // Все те, для кого безнадежность - надежда, // Кому вне отчаянья радости нет, // Выходят из мрака на свет»* [7, с. 54].

Я. Фрид отмечал страстность поэзии Верхарна на фоне символической меланхолии, тяготеющей к патетике [14]. Действительно, в его поэзии мы обнаруживаем стремление освободить поэзию от камерности и сделать ее полным отражением бурного времени. Динамичность поэтики Верхарна обнаруживается уже в следующей после «трагической трилогии» книге «Видения на моих путях», связанная с его восприятием движения жизни - из тьмы к свету. И заслуга Брюсова в том, что он один из первых смог разглядеть за пессимизмом «трагической трилогии» Верхарна возможность перспективы.

Пессимизм Верхарна - лишь этап в его поэтической биографии. Для него, как и для французских декадентов (Бодлер, Верлен, Малларме, Рембо), жизнь представляется трагичной в своей основе, но в отличие от французов Верхарн видит, что в самой жизни вызревает надежда и эта надежда связана с Человеком. «Человек в представлении Верхарна - это прежде всего творец, созидатель, призванный управлять миром» [11, с. 227]. Верхарн признается в разговоре с Брюсовым: *«Я рад, что дожил до завоевания воздуха. Человек должен властвовать над стихиями, над водой, огнем, воздухом. Даже должен научиться управлять самим земным шаром»* [3, с. 257].

Брюсову оказываются созвучны те ноты в творчестве Верхарна, которые «пересматривают весь строй современной жизни, обличают его гнилые основы и указывают средства обновления его» [4, с. 411]. А. Блок в рецензии на сборник стихов Брюсова «Urbi et orbi» признает совершенной и раскрывающей творческий принцип поэта - *«волю к жизни»* [2, с. 541]. Этот принцип несомненно сближает Брюсова с Верхарном, заставив звучать его поэзию активными и светлыми нотами:

Довольно, довольно! Я вас покидаю! Берите и сны, и слова!

Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменна жива!

Я создал, и отдал, и поднял я молот, чтоб снова сначала ковать.

Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы кинуть опять! [6, с. 269].

Список литературы

1. Андреев Л. Г. «Русский» Верхарн // Верхарн Э. Избранное: сборник на французском языке и в русских переводах / сост. М. А. Мыслякова. М., 1984.
2. Блок А. Валерий Брюсов. «URBI ET ORBI» // Блок А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М. - Л., 1963.
3. Брюсов В. Я. В гостях у Верхарна. Из записной книжки // Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 250-258.
4. Брюсов В. Я. Данте современности // Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7-ми т. М., 1975. Т. 7.
5. Брюсов В. Я. Дневники 1891-1910 // Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002.
6. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7-ми т. М., 1975. Т. 1.
7. Верхарн Э. Избранное / пер. с фр. М., 1955.
8. Верхарн Э. Стихи о современности. М., 1906.
9. Волошин М. Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов // Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 427-433.
10. Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1974.
11. Дронов В. С. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // Брюсовские чтения - 1962. Ереван, 1963. С. 216-231.
12. Заводская Т. Ф. Цветность и художественный мир поэта: Эмиль Верхарн // Стилистические проблемы французской литературы: сб. науч. трудов. Л., 1975.
13. Семпер И. Странствия мысли: избранные статьи и эссе. Таллинн, 1984.
14. Фрид Я. В. Эмиль Верхарн: творческий путь поэта. М., 1985.

VALERII BRYUSOV AND EMILE VERHAEREN

Natal'ya Vladimirovna Goryutskaya

Department of Culturology

Omsk State Pedagogical University

gorutskaja@mail.ru

The author considers Emile Verhaeren's creative manner basic principles and their influence on Valerii Bryusov's poetry. The common thing for both poets is mortal motives overcoming.

Key words and phrases: tragic world perception; mortal motives; pessimism; decadents; "will to live".